

За то, что сам отверг он искушенье
Последнее и высшее — забвенье.

Что может дать надломленная лира
Тому, кто ведал тайная Даров?
Вот — холод рук, коснувшихся потира,
Вот — пламя глаз, увидевших покров,
И слова цвет — хвалитная стихира,
И сердца свет — к соцветию стихов —
Ему, чей голос вестью был созвездной
О розе — ране смертной и воскресной.

21.XI.1917

Аспект комический

Сквозь абажур струясь зеленый,
Приятный свет ласкает взор.
Хозяин, чинно благосклонный,
Ведет свободный разговор.
Иного мира зарубежник,
Чудесный гость с иных планет,
Он в православии — мятежник,
И в философии — поэт.

Склонясь над списками, читает
Мои корявые стихи,
И отпускная покрывает
Эпитрахиль мои грехи.
Он вяжет нить цитат и ссылок
Метафизическим узлом
«Трансцендентальных предпосылок»
И ноуменальных аксиом.

Единым свяжет пересказом
Ученых книжек сотни две,
И вот — заходит ум за разум
В моей немудрой голове.

В порывах страха безотчетных
Не раз помянут царь Давид.
— «За что ты мучаешь животных?» —
Покорный взгляд мой говорит.

Но подан ужин. Я немею,
И тщетно время стерегу,
И отказаться не умею,
И оставаться не могу.
Что делать смертным? участь нашу
Мы можем только претерпеть —
И прозаическую кашу
Вкусить, как божескую снедь.

Слились в узор платков ковровых
И сердца стук, и бой часов,
И лиц черты, знакомо новых,
И звуки чуждых голосов.
И я вздыхаю в думе праздной:
О, слишком много красоты —
Как хорошо с хозяйкой грязной
Браниться дома у плиты.

Не для меня высот Парнаса
Неомраченный небосвод.
И благо, что закрыта Лхаса
Для богомольцев круглый год.
Мы все у прошлого во власти,
И плен скрывать — напрасный труд —
Географических пристрастий,
Теософических причуд.

И всем нам свойственно при виде
Снежинок — думать о листве,
Мечтать в Москве об Атлантиде,
Как на Кавказе — о Москве.
И, всё чуждаяся фавора
Из этих рук — не мне, не мне, —
Я буду помнить свет Фавора
В моем завешенном окне.

20.XI.1917